

Материалы под этой рубрикой не раз уже печатались на страницах нашей газеты. Но в редакцию продолжаю? поступать письма от людей, лично переживших, испытавших на себе перегибы сплошной коллективизации. И это понятно. Десятилетия молчавшие люди, наконец, получили возможность и право высказаться, рассказать о пережитом. И сегодня мы не можем оставить без внимания письмо ветерана партии и труда, жителя с. Центрального Ивана Ивановича Отта.

ТРУДНАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

В 1930— начале 31 года в нашей области, как и всюду, началась решительная, сплошная коллективизация. Мой отец в те годы считался середняком. Хозяйство было небольшое, но вполне достаточное, чтобы безбедно жить семье из восьми человек. Старшим из детей был я — мне тогда было 17 лет. Поскольку своей семьей вполне управлялись на земле, отец в колхоз вступить решительно отказался, желая остаться единоличным хозяином, за что и угодил под выселение вместе со многими другими семьями. Я к тому времени закончил пять классов сельской школы, на этом мое образование закончилось.

Словом, в августе 1931 года нас, не вступивших в колхозы, погрузили на станции Краснокутского района Саратовской области в товарные вагоны и. . . В переполненных товарных вагонах нас везли из Саратова до Акмолинска (ныне Целиноград) 10 суток, за это время ни разу не открыв дверей. Свежий воздух мы вдохнули лишь в Акмолинске. Затем нас отправили дальше, на станцию Осакаровка.

Спецкомендатура распределила всех прибывших по поселкам. Так наша и еще четыре семьи из нашей деревни попали в поселок № 4. Здесь нас всех переписали и стали посылать на работу. Из всей нашей семьи трудоспособными были я да отец. Первое время жили в наспех сооруженных шалашах, а осенью стали вселять нас в дерновые бараки. В эти бараки-дома набивали по 8 семей, притом не было никаких перегородок. Спали прямо в одежде,

на полу. В бараках было так холодно, что если оставить на ночь воду в ведре, она покрывалась льдом. От холода и крайне антисанитарных условий зимой в поселке вспыхнула эпидемия брюшного тифа. Страшная эта болезнь как косой косила людей, особенно детей и стариков. А потому из 16 тысяч прибывших сюда переселенцев к весне 32-го осталось в живых лишь 8,5 тысячи человек. Лично я эту страшную зиму в поселке не зимовал. Меня забрали на строительство железной дороги Караганда—Балхаш.

Доехав до Караганды, я рано утром, прихватив котомку с немудреными вещами, ушел пешком в пос. Майкуду к (№ 24). Сбежал, иными словами, с каторжной той работы. В Майкуде жил мой дядя Андрей Иванович Отт, он и приютил меня. Работал дядя в то время в Караганде печником. Был там такой трест № 14, который занимался строительством жилых домов и капитальным строительством различных объектов. Дядя меня устроил работать грузчиком в каменный карьер.

Проработал я в том карьере до 1 апреля 1932 года и все же вернулся в поселок к родителям, стал работать в хозяйстве ездовым. С продовольствием было очень плохо, лишь в 1934 году мы смогли вволю поесть хлеба.

Но изнурительный труд, болезни и голод — это было одно дело, Другое — это тяжесть моральная, сознание своей невиновности и безысходность нашего горького положения. Ведь все спецпереселенцы стояли на строгом комендантском учете. Никто не имел права без

пропуска выходить, выезжать за пределы поселка. Чуть что не так — тебя в карцер на 5 суток, как штрафника.

Да, Сталин уничтожил все крестьянские корни, создав тем самым по всей стране предпосылки для голода. Но выстояли мы в казахских степях. Хозяйство поселка потихоньку расширялось. Я работал в животноводстве скотником, а в январе 1934 года меня с товарищами вызвали в правление колхоза (колхоз наш назывался «Интернациональный») и дали направление на трехмесячные курсы бригадиров животноводства. Закончил курсы на «хорошо». Затем в 1937 году прошел еще одни курсы по животноводству. По приезду домой принял гурт коров в 95 голов, где был и бригадиром, и учетчиком.

Жизнь наша с каждым годом стала улучшаться. В колхозе «Интернациональном» я так и работал бригадиром животноводства до 1941 года. К этому времени в поселке построили маслозавод и меня перевели работать туда старшим рабочим по хозяйству, где и проработал беспрерывно 44 года. За свой труд поощрялся дипломами и почетными грамотами. А с 1985 года нахожусь на заслуженном отдыхе.

И все же вот еще о чем хочется сказать. Хотя жизнь в предвоенные годы и послевоенные в материальном отношении становилась лучше, мы по-прежнему чувствовали себя морально угнетенными, оскорбленными. По-прежнему стояли на строгом учете комендатуры и без пропуска не могли и шагу сделать. Лишь благодаря XX съезду Коммунистической партии, где был разоблачен культ личности Сталина, после длительного разбора его темных дел нам стали выдавать паспорта и ставить на военный учет. Только тогда мы свободно вздохнули, только тогда почувствовали себя равноправными гражданами страны, только тогда для нас началась по-настоящему счастливая, творческая жизнь. Но как долго и труден был к ней путь.

И. И. ОТТ